

БЛАГОДАРЯ «СВЯТОМУ ИСКУССТВУ»

ВЫ НЕ СЛЫШАЛИ о том, как на театральных подмостках убили лошадь? Убили только потому, что «театр должен показывать реальную жизнь, такую, какова она есть», а не растрачивать себя на всякие выдумки.

Итак, в середине июля одна итальянская театральная труппа, упорно придерживающаяся мнения, что «театр мертв» (с некоторых пор мы только и делаем, что констатируем такие печальные факты, как безусловная «смерть бога», регулярно повторяющаяся «смерть романа», неоспоримая «смерть поэзии» и т. д. и т. п. Правда, названные «смерти» оказываются мнимыми, поскольку у всех этих «сиятельных трупов» глубокие социальные основы и покончить с ними так же трудно, как с некоторыми деревьями: можно срубить их под корешок, а они через некоторое время пустят новые побеги), — так вот, в один прекрасный вечер эта самая театральная труппа наняла несколько автобусов и повезла специально приглашенных театральных и художественных критиков и немногочисленную, но избранный публику на спектакль, обещающий — и не без основания — быть «совершенно исключительным». Однако привезли всех не в театр, а на городскую... бойню, где на скорую руку была сколочена сцена и устроены кулисы. Здесь и было дано представление: лошадь убили наповал классическим выстрелом из пистолета, а мясники-профессионалы ловко обезглавили, ободрали и разделили тушу: актеры же еще теллую кровь размазывали по стенам, чи-

тая отрывки из пьесы «Женз в Танжере»...

Естественно, что со всех сторон посыпались выражения протеста. Организаторы же спектакля в свое оправдание заявили, что, «поскольку искусство-притворство, сегодня не имеет больше смысла», они решили перейти к «искусству действительности». Особого внимания в данном случае заслуживает пафос, с которым они кричали о том, как им удалось «перенести действо с театральных подмостков в самую гущу жизни», то бишь на бойню. Иными словами, доказывали, что пора кончать с мнимыми храмами «искусства для искусства» и перейти к реалистическому «искусству для жизни» или для... смерти. Эти рассуждения со всей очевидностью показывали, какая невообразимая путаница царит в головах людей, пытающихся противопоставить символику искусства «действительности», доведенной до пошлейшего натурализма.

В общем, история с лошадью, убитой на сцене, открывает (с точки зрения создания новых выразительных средств) богатейшие перспективы: наконец-то нашли выход тенденции, уже давно обозначившиеся не только в итальянском, но и во всем западном театре. По-видимому, из-за отсутствия воображения, под которым следует подразумевать подлинно художественные творческие возможности, у нас все больше плодится «смелых» режиссеров, грешащих самой безудержной фантазией, готовых любым способом, с помощью любых эффектов пробудить угасший интерес публики к те-

атру. Одной из наиболее типичных «находок» стало выставление напоказ обнаженного тела. Согласно этому дурацкому физиологическому принципу («человек тем правдоподобнее, чем меньше он одет») на сцене прилюдно раздевают Дездемону и Офелию, Беатриче и даже децу Марию. Поначалу этот прием мог еще показаться смелым или, во всяком случае, любопытным. Но шло время, и постепенно он свел художественный реализм до уровня голого — во всех отношениях — натурализма, а зрители за отсутствием подлинно художественных впечатлений докатились до обыкновенного обсуждения физических достоинств той или иной актрисы.

Что же до перспектив, то они (в случае если «смерть театра» повлечет за собой дальнейшее развитие «театра-действительности»), безусловно, неограниченны. Поскольку актер, играющий роль молодого Вертера, не может застрелить себя больше одного раза, так же как не могут вновь и вновь кончать жизнь самоубийством Ромео, Джульетта и Чю-Чю-сан, подлинная смерть на сцене могла бы способствовать частой смене актеров, подторгив таким образом необычайную живучесть самого театра. Благодаря постановке некоторых классических пьес, греческих трагедий или трагедий Шекспира, которые завершаются массовой гибелью действующих лиц, можно было бы каждый раз полностью обновлять труппу. И тем испить смерть бедной лошади.

Энцо РАВА,
итальянский журналист